

СИСТЕМЫ ОРИЕНТАЦИИ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Проблема изучения механизма освоения пространства кочевыми культурами Южной Сибири и Центральной Азии включает широкий спектр вопросов, связанных с восприятием и осмыслением географического пространства. Формирование образов и пространственных представлений осуществляется под воздействием различных факторов. Некоторые принципы восприятия пространства могут быть обусловлены особенностями психобиологической природы человека, другие формируются в процессе научения, происходящего и при активном освоении окружающего пространства и при передаче социокультурных установок о функциях и использовании пространства. Важнейшим условием существования человека является его способность ориентироваться в окружающем пространстве. Выработка различных систем ориентации является одним из результатов осознания мира. Проявления ориентационных воззрений монгольских народов в различных сферах бытия и в области сакрального представляются нам весьма актуальной темой в области изучения восприятия пространства.

В свете последних исследований по системам ориентации различных культур с древнейших эпох и до настоящего времени чрезвычайно существенным и продуктивным представляется исследование проблемы ориентации кочевых этносов монголоязычного мира. Проявления ориентационных принципов и представлений различаются и вместе с тем находятся в тесной взаимосвязи в *светской сфере* и в *области сакрального*. Так, при строительстве жилища обязательно учитывались географические параметры местности с точки зрения ее пригодности для поселения. В то же время, значимость представляли данные экстраутилитарного характера. Как и во многих других культурах, ориентационные навыки и воззрения монголоязычных этносов Южной Сибири и Центральной Азии реализовывались в разных системах ориентации, которые будут рассматриваться ниже.

Основной тип ориентации - *антропоцентрический*, который можно считать доминирующим в среде монголоязычных народов, обусловлен анатомо-

физиологическими особенностями человека. Данный тип ориентации является исторически первой формой ориентирования человека в географическом пространстве. Это эгоцентрическое восприятие пространства, при котором человек ощущает себя неотъемлемой частью пространства и полагает себя в центре наблюдаемого мира, а все окружающие объекты воспринимает через призму их отношения к этой центральной точке [Подосинов, 1999: 462]. В соответствии с этим типом ориентации формируется следующая система координат, выраженная посредством бинарных направлений/оппозиций - передняя/задняя, правая/левая.

Традиционно главным ориентиром в структуре данной системы координат выступает *киблическое* направление, которое в мировоззрении монгольских народов, подвергнувшись стадийным изменениям в конечном итоге стало совпадать с югом. Юг при этом характеризуется как передняя лучшая сторона, а север - задняя, худшая. Правая совпадает с западным направлением, а левая с восточным. В монгольских языках встречаются следующие обозначения сторон пространства: *урда зуг*, *о.мно зуг*, *убэр тал'а* - переднее южное направление, сторона, *хойто зуг*, *умар зуг*, *ара тала* - заднее северное направление, сторона, *баруун зуг*, *орно зуг* - западное правое направление, *зуун зуг*, *дорно зуг*, - левое восточное направление. Привлекает внимание совокупность обозначений базовых направлений пространства, выраженных различными терминами. Актуальным представляется определенное различие смыслов слов, обозначающих южную сторону: термины *урда* и *омно* имеют значение *передний, впереди*, а термин *убэр* реализует понятие «сторона, освещенная солнцем». Диапазон употребления данного термина достаточно обширен. Он обнаруживается в деталях костюмного комплекса (*убэр* - пазуха), обозначает южный склон горы и т.д. Термин *ара тала* применительно к склонам гор носит значение северной, теневой, темной стороны. Используется этот термин и для обозначения задней, тыльной стороны материальных объектов, человеческого тела и т.д. Нередко этим термином обозначаются

обширные лесные массивы - тайга (диалект закаменских бурят). В языке монгольских народов понятиям левый и правый соответствует бинарная пара терминов, обозначающих *буруу тт* - неправильная сторона и *зуб тал* - правильная сторона. Предполагается, что и весь спектр значений этих терминов и их производных (противоположный, обратный, ложный, неверный - *буруу*, и наоборот верный, справедливый — *зуб*) может соотноситься с понятиями *левый* и *правый*, под которыми подразумеваются направления пространства - восток и запад. Но вряд ли справедливо такое сопоставление с *реальными географическими* направлениями пространства. В действительности семантическое поле терминов *буруу* и *зуб* имеет отношение только к антропоцентрической системе ориентации, которая в свою очередь прежде не была связана с географическими странами света. Здесь уместно говорить также и об актуальности различия сакральной и обыденной сфер бытия и соответственно различном смысловом содержании типов ориентации в той и другой сфере.

Хотелось бы обратить особое внимание на термины из монгольского языка *омно*, *умар*, *дорно* и *орно*. В отношении смыслового содержания этих обозначений отмечается значительное расхождение мнений. Так, например, Н.Б. Дашиева, утверждает, что эти термины используются для обозначения *промежуточных сторон* света, которые относительно ключевых направлений смещены на 40 градусов влево [Дашиева, 2001: 173]. К сожалению, автором не обозначен источник, на основании которого было сделано такое утверждение. В словаре монгольского языка подобные данные отсутствуют, есть свидетельства, что эти термины являются лишь дублерами основных обозначений ключевых сторон света. Более того, монгольский исследователь Г. Мэнэс отмечает разное смысловое содержание понятия *дорно* в среде некоторых локальных групп монголов.

В мировоззрении монгольских народов, в частности у бурят и монголов, имеет место различие отдельных территориальных групп, занимающих полярные части пространства в меридиональном и широтном направлениях. Так, например, территория проживания бурятского народа разделена на южную и северную части, которые населяют *ара бурядууд* и *убэр бурядууд*. Разделительная функция выполняется крупнейшим тектоническим образованием данного региона - озером Байкал, который занимает центральную позицию по отношению к этим территориальным группам бурят. Подобное различие полярных территориальных групп существует и в среде соседнего с бурятским монгольского народа. Более широкое распространение в среде бурят и монголов получило деление на западные и восточные группы. Но данные категории, в частности, применительно к пространству, занимаемому бурятским народом ныне, не обнаруживают с ним непосредственной связи, ПОСКОЛЬКУ принцип дифференциации здесь иной - этногенетический.

Таким образом, рассмотренные выше лексические обозначения ключевых направлений пространства в архаичной антропоцентрической системе ориентации монгольязычных народов в целом соответствуют направлениям общепринятой системы ориентации по компасу.

Вместе с тем, обращение к данной системе координат при рассмотрении различных аспектов пространства не всегда верно. Необходимо учитывать специфику данной системы координат, которая первоначально не носила значений географических стран света. Так, например, в описании движения вдоль речных систем выражение «двигаться вперед» может не совпадать с южным передним направлением, поскольку ориентиром служит направление течения реки. В контексте рассматриваемой проблемы уместным представляется обращение к другому примеру. В эпосе об Аламжи Мэргэне описывается момент отправления эпического героя в дальнюю дорогу, выраженный фразой «Удаляясь на юг от дома родного». В тексте по этому поводу были сделаны комментарии и они, безусловно, были необходимы: в данном случае под направлением «Ара гэрээн урегша», а таков именно бурятский текст выражения, подразумевается вообще движение вперед от дома, соответственно остающегося позади, независимо от базовых направлений пространства [Аламжи Мэргэн, 1991: 294]. В этом кусочке текста актуализируется такая особенность зрительного восприятия пространства как *дуализм* - условие формирования любых систем ориентации, предполагающее наличие двух точек отсчета-одной, из которой человек ориентируется, и второй, в сторону которой эта ориентация осуществляется [Подосинов, 1999: 466].

Другой тип ориентации связан с *киблическими направлениями*, которые различаются у разных групп бурят и монголов. В мировоззрении западных бурят, основной этнический субстрат которых, по мнению многих исследователей, составляют тюрки, почитаемой стороной выступает восток. Еще в начале XX века часть предбайкальских бурят имела обычай сакрализации востока. Так, например, по наблюдениям В. Михайлова у части западных бурят двери жилища были ориентированы на восток [Михайлов, 199:634]. Рудименты традиции почитания стороны восхода солнца обнаруживаются также в регулярном обряде почитания духов-хозяев местности, который совершается хозяйкой дома ранним утром первинками дээжэ утреннего чая, либо молоком утренней дойки.

С культом восходящего солнца, вероятно, связана и ориентация входа жилища на юго-восток у локальных групп западных бурят. Здесь следует отметить, что у западных бурят, в частности *аларских*, базовыми направлениями пространства являются *промежуточные* направления классической системы пространства: северо-восток, северо-запад, юго-восток, юго-запад [Басаева, 1993: 85]. Данный факт отражается в различных текстах культуры, непосредственно связанных со сферой жилищно-поселенческого комплекса: в принципах организации пространства

(ориентирование жилища входом на юго-восток), строительной технологии (установка фундамента под 4 промежуточные стены, характеризующиеся как основные), данных языка (обозначение промежуточных стен жилища определением *униэн хана* - «сиротливая стена»). Такая особенность восприятия пространства в мировоззрении западных бурят подтверждается данными языка разных групп западных бурят. Так, например, в бурятско-русском словаре обнаруживаем, что понятие *урда* в диалекте боханских бурят подразумевает юго-восточное направление [Бурятско-русский словарь, 1973: 174].

Итак, в языковом видении пространства, несмотря на наличие специальных обозначений для промежуточных сторон света (путем слияния двух лексем: *зуун-хойто* - северо-запад), в западнобурятском варианте образа пространства ПГН фиксируются как главные - *урд, хойто, баруун, зуун*. Иными словами, в мировоззрении западных бурят эти части пространства не осмыслились как промежуточные. Очевидно, что речь идет о других причинах формирования такой горизонтальной модели мира.

В частности, иным обоснованием формирования системы координат с главными промежуточными направлениями пространства может являться сакральность юго-востока в календарной традиции бурят, в которой учет времени осуществляется на наблюдениях за перемещением места восходов солнца по линии горизонта в период между двумя солнцеворотами. В подобной модели мира наибольшей сакральностью наделяется та часть горизонта, где Солнце, достигнув своего критического состояния в день зимнего солнцеворота, делает поворот от смерти к жизни [Дашиева, 2001: 173]. Такое восприятие времени реализуется в одном из архетипов лунно-солнечного календаря бурят.

Выделение в качестве *ключевых* промежуточных сторон света, по мнению Н.Б. Дашиевой, указывает на актуальность в мировоззрении этноса такой модели мира, в которой вместо *понятий о сторонах света* выступают *понятия об углах света*, и связывает такую модель мира с *монгольской* этнокультурной традицией [Дашиева, 2001: 173]. Л.Л. Викторова, напротив, считает модель замкнутого пространства, выраженную через формулу *tort bulun kor* - «четыре угла света», характерной особенностью восприятия мира тюркскими народами [Викторова, 1980 : 85]. В подтверждение своей концепции исследователь указывает различия представлений частей пространства у монголов и тюрков на лексическом уровне: в памятниках монгольского языка направление по частям света выражается словом *jug* (зуг), а в тюркской традиции - *bulun* (угол).

Примечательно, что следы представлений о горизонтальном пространстве, имеющем углы, обнаруживаются и в мировоззрении западных бурят, в частности, такие данные сохранились в мифопоэтических текстах - *улигерах*: в одном из эпизодов о строительстве дворца говорится, что мастеровые

«На нижней большой стене вырубали

семь тысяч окон,
чтобы они *семь углов* земли
просматривали...»
[Уланов, 1963:89].

Это в свою очередь свидетельствует об актуальности в мировоззрении западных бурят образа *замкнутого пространства*. В связи с тем, что эта особенность восприятия пространства является устойчивым этноразличительным признаком, характеризующим предков древнетюркского населения и его этнических предшественников - *хуннов* [Викторова, 1980: 85], присутствие подобных представлений в эпической традиции локальных групп западных бурят является, очевидно, свидетельством наличия тюркского этнического субстрата в этногенезе западных групп бурят. С позиций такого видения мира глазами древних тюрков возникает вопрос: каков же образ пространства в представлениях монголов? Если тюрки рассматривают пространство замкнутым, то каким же виделось пространство монголам? Ответ на этот вопрос может дать одна короткая формула, характеризующая пространство — *дорвон зуг, найман зовхисоос*, что в переводе звучит как «со всех сторон и со всех концов». Привлекает внимание дублирование четырех сторон света *дорвон зуг* словосочетанием *найман зовхисоос* (восемь концов). Ясным становится то, что пространство в мировоззрении монголов *конечно, замкнуто*. Иной модели, вероятно, для традиционного сознания и быть не может. Беспредельный мир - мир без границ и лишенный меры - это хаос, который не способен освоить мышление человека.

Священным направлением многих бурятских и монгольских этнических групп является юг. сторона полуденного солнца. Это направление является ключевым ориентиром при осуществлении различных видов деятельности. Главными определяющими признаками в выборе места для поселения становилась панорама пространства в южном направлении. Учитывались разные признаки элементов ландшафта, организующих южный вид - от формы и количества объектов до их цветовой гаммы. Дверь жилища старались ориентировать в южном направлении с учетом особенностей местного ландшафта. В социальной структуре поселения южную позицию занимает жилище главы рода, семьи.

Сакрализация юга отмечена и в одном из архетипов лунно-солнечного календаря бурят (Прибайкалье - южные буряты, Забайкалье - восточные буряты). В этой системе в суточном цикле наиболее предпочтительным является полуденное время, которое в годовом цикле соотносится с днем летнего солнцеворота. С этой датой календаря связаны ежегодные праздники стрельбы из лука - *суур-харбан* [Дашиева, 2001: 18].

Свидетельства почитания южной стороны обнаруживаются в погребально-поминальной обрядности бурят и монголов. Прежде всего отметим, что правило захоронения умерших сородичей предписывает выбирать место захоронения на южных (юго-восточных, восточных) сухих склонах возвышен-

ных мест, обогреваемых солнцем [Мэнэс, 1986 : 98]. Эта традиция, в свою очередь, непосредственно связана с архаичными верованиями о южной локализации мира предков и с культом солнца. В прошлом с миром предков связывалась идея возрождения «воспроизводства» земных людей, а истоки представления о мире предков восходят к архаичным верованиям «о жизненном начале», о солнце [Галданова, 1987: 65]. В связи с этим, по некоторым воззрениям место, где находится обитель предков, расположено на юге. Вместе с тем, противоположную позицию в географическом пространстве занимает другой мир мертвых - северная область, где пребывают грешники, которые становятся злыми духами. Локализации мира злых духов обнаруживаются в преданиях западных бурят, записанных М.Н. Хангаловым. По поверью молькинских бурят существуют «худые» собаки, которые постоянным лаем приглашают злых духов; «особенно та собака худая, которая лает по-волчьи, смотря на *северо-восток*: она призывает оттуда злых духов» [Хангалов, 1960: 67].

Данные представления не вошли в противоречие и с основными положениями буддийской картины мира, являющейся важной частью содержания текстов похоронных обрядников, составленных тибетскими и монгольскими авторами. Но исключение составляет иная, противоположная бурятской модели локализация качественно неравноценных миров мертвых. По индийским представлениям на севере расположена обитель богов, куда направлен путь тех умерших, кто пожизненно заслужил это отличие; «южный путь предков» связан с областью смерти, обиталищем духов покойников [Герасимова, 1992: 134]. Подобная инверсия представлений о локализации миров мертвых, далеко не единственный пример противоречия в ориентации в сфере сакрального у народов, проживающих в северной и южной областях Евразии. Этот феномен не раз привлекал внимание разных исследователей, но долгое время оставался необъяснимым. Убедительное разъяснение, на наш взгляд, было предложено А.В. Подосиновым, который выделил особый тип ориентации, присущий народам Евразии - *ориентации* в сторону *евразийского широтного горного пояса*, который имел сакральное значение для всех окружающих его с севера или юга народов [Подосинов. 1999:545]

Итак, в ориентации монголоязычных народов имеют место два священных направления - восток и юг. По мнению В.В. Бартольда, в прошлом киблическая ориентация, связанная с востоком, была характерна для всех монгольских этносов, и только в X-XII веках в эпоху могущества киданей в монгольской среде получил распространение культ Юга [цит. по Подосинову, 1999: 418]. Л.Л. Викторова полагает, что у монголов в древности и средневековье существовали обряды поклонения солнцу в зените, что и объясняет причину совпадений понятий *юг* и *перед*, выраженных словом урд, и считает различие ориентиров (восходящее и полуденное солнце) у монголов и тюрков устойчивым

тгноразличающим признаком. Не отрицая в целом правомерности данной концепции, Г. Мэнэс, все же считает несоответствующим реальной действительности обусловленность традиционной ориентации монголов на юг культом Полуденного солнца, поскольку полуденное солнце не может рассматриваться в качестве ключевого пространственного ориентира ввиду невозможности точного определения его центрального местоположения на небосклоне [Мэнэс, 1987: 48, 50]. Об этом свидетельствует и расхождение смысла терминов, обозначающих южное направление, которые сводятся к значению *впереди*, с положением солнца в зените - *верхним*. Более надежным и точным ориентиром, имеющим значимость, может рассматриваться только восходящее солнце. Анализ терминов и некоторые этнографические данные показывают, что юг и восток осмысливались монголами одинаково. Так, население Южно-Гобийского аймака в отношении юга применяют термин *дорно зуг* (восток), а жители Восточногобийского аймака определяют восточную сторону как *урд зуг* (передняя сторона). Таким образом, в представлениях монголов под совокупностью определений передней солнечной части света, подразумевается весь *сектор* пространства между востоком и югом. Сам же культ полуденного солнца является, вероятно, более поздним осмыслением функции дневного светила, когда солнце уже рассматривалось не в качестве ориентира в пространстве, а служило ориентиром во времени.

Обзор различных свидетельств почитания восточного и южного направлений пространства показывает, что общим в почитании этих сторон света является культ солнца. Высокая значимость дневного светила в духовной жизни монгольских народов не могла не отразиться на ориентационных воззрениях номадов. В языке монгольских народов обнаружены следы существования *солярной системы* ориентации. Данные о существовании в бурятской терминологии обозначений стран света с главным ориентиром - солнцем, были зафиксированы Мессершмидтом [Хамарханов, 1986: 53]. Согласно этой системе ориентации пространство делится на следующие направления: *нарангарба* (дословно «солнце всходит») - восток, *наран оробо* (солнце заходит) - запад, *хачтагайудэр* (полдень) - юг, *хачтагайхуни* (полночь) - север. Наличие в бурятском языке названий стран света, образованных от понятий, связанных с восходом и заходом солнца, свидетельствует о движении солнца как главном ориентире, а также подтверждает наблюдение А.В. Подосинова о первоначальном выделении в рамках бинарной классификации только двух из четырех стран света - востока и запада [Подосинов. 2001:538]. Эта концепция А.В. Подосинова подтверждается особой значимостью в среде монголоязычных народов оси *восток - запад*. Так, например, уместным представляется привести в качестве примера разделение пантеона божеств западных бурят на западную и восточную группы. Широтное направление запад-восток является ориентиром при организации кочевых поселений в

среде монголов. А в конструкции светодымового круга юрты монголов особое значение придается главной поперечине *гол*, которую при установке юрты обязательно ориентируют по линии запад-восток [Викторова, 1980: 5 1].

Аналогичная система ориентации функционировала и в тюркоязычном мире. В известном памятнике древнетюркской поэзии - «Малой надписи в честь Кюль-тегина» выделяется повествовательный цикл II, в котором описывается обширность Тюркского каганата. Текст описания указывает на актуальность солярной системы ориентации древних тюрков:

12. Вперед, вплоть до солнечного восхода,
 13. Направо, вплоть до полудня,
 14. Назад к солнечному закату
 15. Налево, вплоть до полуночи,-
 16. Там внутри [этих пределов], находящиеся
Народы все мне подвластны!
- [Стеблева, 1976: 10].

Исследователями, анализировавшими отражение ориентации в языках, был сделан вывод, что если в каком-либо языке выделяются три страны света, то таковыми могут быть только восток, запад и юг [Подосинов, 1999: 538]. Не являются исключением в этой связи, и представления о пространстве монголоязычных народов. Ключевые позиции этих частей света в мировоззрении бурят подтверждаются не данными языка, а иными фактами. Так, свидетельство этому явлению обнаруживается в сказочной прозе бурят. Герой сказки «Ута-Сагаан-Батор» на ключевом этапе своей жизни, становясь на путь испытаний, выбирает три судьбоносных для него направления - восток, юг и запад и направляет туда три стрелы [Бурятские народные сказки, 1973 : 87]. Данный сюжет, в котором герой выбирает в качестве главных направлений восток, юг и запад, является характерной чертой многих бурятских и монгольских сказок и преданий.

Для кочевников, в жизни которых большое значение имела охота и собирательство, актуальной была и *астральная ориентация* по наиболее приметным звездам и созвездиям ночного неба северного полушария. В их числе почитаемая как покровитель коней планета [звезда] Венера (Солбон), известное, отмеченное во множестве мифов и преданий созвездие Большой Медведицы. Как отмечает Н.Б. Дашиева, «Функции созвездия Большой медведицы не ограничивались указанием и регулированием времени в ночной период, постоянно указывая на север при своем вращении вокруг северного небесного полюса и двигаясь по четко установленному маршрут»; оно организует пространство, задает параметры основных сторон света...» [Дашиева, 2001 : 101]. О значимости созвездия, как ключевого ориентира в ночное время, свидетельствуют сюжеты бурятских эпических сказаний о Гэсэре, наполненные мифологическими мотивами творения.

Рассмотренные типы ориентации в большей степени актуальны для обширных пространств. На локальном уровне значимость приобретает иной тип ориентации, классифицируемый как *конкретно-чувственный*. В пространстве с мозаичным, сложным

рельефом - горных и лесных районах - практика определения расстояний требовала детального описания пространства с обозначением конкретных элементов ландшафта, хорошо известных населенкам данной территории - падей, гор, холмов, озер, рек. При этом активно используются ориентационные навыки, выработанные древнейшим типом ориентации - конкретно-чувственным, основанным на приметах местной природно-ландшафтной среды обитания, который относится к первичному типу ориентации [Подосинов, 2001: 591].

Обозначение конкретных объектов ландшафта обязательно сопровождается уточнением позиции объекта в пространстве. Пространственная ориентация объекта выражается средствами языка с использованием разного рода бинарных определений: «сюда» - *нааша*, «туда» - *тиишэ*, «ближе» - *ишиэ*, «дальше» - *сааша*, «позади» - хомно, «впереди» - *урда*, «правее» - *баруунтэй*, «левее» - *зуунтэй*, «близко» - *хажууда*, «далеко» - *холо*, «ниже» - *доошо*, «выше» - *дэшэ*. Используются и многие другие обозначения места, объекта и т.д.: «между» - *хорэндо*, «тот, та» - *тэрэ* (*тэрэ багта* - в том примерно месте), «сторона» - *тала*, «направление» - *зуг*. Перечень пространственных указателей в бурятском языке довольно обширен. Выше были приведены лишь предположно-наречные «уточнители». Выделен также ряд предположно-наречных указателей со значением «выше» и «ниже» и их вариантов, под которыми также подразумевается спектр направлений движения по течению реки к *истоку* или *устью*.

Особый интерес вызывают глаголы пространственного ряда, функционирующие в монгольских языках: *угсэхэ*, *уруудаха баруулхэ*, *зуулэхэ*, которые имеют следующее смысловое содержание: *угсэхэ* - подниматься вверх, *уруудаха* - спускаться вниз, *зууяхэ* - идти на восток, *баруулхэ* - идти на запад. Два из них являются проявлениями архаичной системы координат, формирование которой обусловлено особенностями психобиологической природы человека - *баруулхэ* (идти направо), *зуулэхэ* (идти налево), а другая пара терминов - *угсэхэ*, *уруудаха* отражает понятия иной модели пространства, прообразом которой послужили речные системы.

Два других непосредственно связаны с ключевыми ориентирами природного окружения и, в частности, с направлением течения водных источников - *уруудаха* (спускаться вниз по направлению течения реки), *угсэхэ* (подниматься вверх к истоку реки). Главными ориентационными точками пространства в данном случае служат *исток* реки, с которым ассоциируется верхняя зона и ее *устье*, и которому соответствует нижняя зона ландшафта, независимо от сторон света. В каждой отдельной местности существует своя система расчета направлений движения в зависимости от направления течения рек. Примечательно, что в бурятском языке течение реки выражается словом *урдалга*, образуемом от термина, имеющего значение -юг, передний, впереди, прежний [Бурятско-русский словарь, 1973 : 474].

В Закаменском и Джидинском районах РБ многочисленные водные источники, берущие начало в отрогах хребта Хамар-Дабан, имеют меридиональную направленность русла с севера на юг, в связи с чем верхняя зона совпадает с северным направлением, а нижняя с южным. В то же время положение столицы РБ г. Улан-Удэ по отношению к Закаменскому району рассматривается как нижнее. Отправляясь в столицу, местные жители говорят «Поедем вниз». Главным ориентиром в данном случае выступает направление течения одной из главных водных артерий Бурятии - реки Джиды.

Анализ данных бурятского языка показывает, что, как и во многих других языках подавляющее большинство пространственных терминов связаны с понятиями «верх» и «низ». Выработке этих ключевых понятий в различных языках способствовали географические особенности мест проживания, в частности, наличие водных источников-рек и крупных водных бассейнов и. что более важно, ориентация на направление движения рек, положение озера или моря в пространстве по отношению к человеку. Для всех народов, в жизни которых большую роль играли берега рек и морей, характерно было употребление предлогов со значением «выше» и «ниже» с их многочисленными производными. «Направление «выше» на практически плоской поверхности означало, как правило, движение от побережья в глубь материка... а «ниже - из центральных районов к побережью» [Подосинов, 1999 : 601].

Исследование топологии пространства средствами языка подчеркивает актуальность и значимость для этнографических реалий архаичной модели пространства, прообразом которой послужили водные источники - реки, ручьи. В соответствии с этой схемой все пространство территории делится на *верхнюю* и *нижнюю* зоны. Верхняя зона включает исток реки, а нижняя соответствует устью водного источника. Ориентация в пространстве по течению реки в сельских районах остается базовой и поныне. Так, например, в Закаменском районе РБ все населенные пункты составляют верхний и нижний кусты в соответствии с их расположением в пространстве по отношению к рекам Сангино, Цакирка, Цаган-морин, Нуд, Бартой, Хамней и т.д. Достаточно распространенным явлением, о чем свидетельствует ряд рассмотренных выше глаголов, выступает практика описания перемещений посредством глаголов, обозначающих направления движения - вверх и вниз. Тот же самый порядок отмечается и в случае зонирования населенных пунктов, в особенности тех, которые находятся в непосредственной близости от водного источника. Привлекает внимание проекция на структуру населенного пункта в пространстве иных моделей освоенного мира. В ходе полевых исследований нами был обнаружен вариант структурирования поселения в соответствии с вертикальной структурой объектов материальной культуры, в числе которых могут выступать жилище, посуда и т.д. Согласно данному способу структурирования, та зона населенного пункта, которая располагается ближе к потенциаль-

ному устью реки, называется *оер* - дно, основание, пол.

Примечательно, что в верованиях и мифологии бурят не отмечены представления о локализации подземного мира в зоне устья реки, как это характерно для концептуальной картины мира многих северных народов Сибири, в чьих представлениях вход в нижний мир устойчиво ассоциируется с устьем реки и морем в северной зоне пространства окружающего мира.

Таким образом, стержнем *конкретно-чувственной* системы ориентации, широко используемой коренным населением Байкальского региона, являются речные системы. Вместе с тем в число ключевых природных ориентиров, несомненно, входят и различные орографические объекты - холмы, скалы, горные массивы. С позиций географического взгляда на пространство эти орографические объекты характеризуются как «твердые пункты ориентирования», которые визуальное и топографически выделяются на фоне окружающего ландшафта и тем самым привлекают внимание человека.

Анализ рассмотренных в данной работе способов ориентации позволяет сделать следующие выводы. Формирование представлений о пространстве, его осмысление осуществлялось в процессе научения под влиянием различных факторов, и вместе с тем было обусловлено внутренними врожденными структурами, тесно связанными с анатомо-физиологическими особенностями человека. Разные системы ориентации в традиционном сознании не расчленились, а воспринимались как целостное явление.

В связи с тем, что существует различие микропространств и крупноразмерных территорий, основанное на особенностях восприятия полимасштабных пространств, вероятно, имеет место и предпочтение одних способов ориентирования другим в рамках различных по масштабу территорий.

С позиций различения сакральной и мирской сфер, целесообразным представляется и различие систем ориентации по значимости последних в сакральной и обыденной сферах. Обыденной деятельности в большей степени соответствует конкретно-чувственная система ориентации, основанная на приметах окружающей среды. Так, например, осуществляя обычные перемещения в границах знакомой человеку местности, он, как правило, применяет навыки ориентирования конкретно-чувственной системы ориентации, сформированной в условиях наиболее тесного контакта со средой. Именно в этом типе ориентации отразились характерные, выработанные в поле монголоязычной этнокультурной традиции особенности восприятия ландшафта.

Что касается базовых систем ориентации монголоязычных народов - антропоцентрической, солярной [киблической], то их можно охарактеризовать как присущие мировосприятию всего человечества и совпадающие с общечеловеческими принципами ориентации. Как известно, антропоцентрический тип ориентации обусловлен анатомо-физиологическими и психобиологическими особенностями человека.

Туан подчеркивает, что человек является прямоходящим существом, обладающим лево-правосторонней симметрией, а также симметрией по направлению вперед-назад, и кроме того отличается односторонней направленностью действий всех органов чувств [Голд, 1990: 146]. Поскольку эти черты присущи всем представителям человечества, следовательно, и механизм формирования антропоцентрической системы ориентации в разных культурах должен быть сходным.

Аналогичным образом обстоят дела и с солярной ориентацией, основные положения которой имеют сходные черты в разных культурах. Незначительные различия в сакрализации частей пространства в связи с почитанием дневного светила обусловлены положением солнца на небосклоне в той или иной хронологический период. Значимость может представлять как суточный, так и годовой цикл.

Обнаруживаемое сходство представлений о пространстве в среде локальных групп западных бурят и древних тюрков является свидетельством наличия тюркского этнического субстрата в этногенезе западных родов бурят.

Литература

Басаева К.Д. Поселения и жилища аларских бурят (вторая половина XIX - начало XX века) // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов.-Новосибирск, 1993.-С. 52-90.

Бурятский героический эпос. Аламжи Мэргэн.-Новосибирск, 1991.

Бурятские народные сказки.-Улан-Удэ, 1973.

Бурятско-русский словарь.-М, 1973.

Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры.-М., 1980.

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. -Новосибирск, 1997.-105с.

Герасимова К.М. Похоронные обрядники тибетских и монгольских авторов XVI-XIX веков // Традиционная обрядность монгольских народов,- Новосибирск, 1992.

Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят.-М.-Улан-Удэ, 2001.-300с.

Дж. Голд Психология и география. Основы поведенческой географии.-М, 1990.-303с.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов.-М., 1998. - 193с.

Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство.-М, 2001.-573с.

Кобзев А. И. Понимание мира как единства времени и пространства в традиционном Китае // Антропология культуры. ОГИ.- М., 2002.-С. 181-188.

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков

Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир.-Новосибирск, 1988.-224 с.

Михайлов В.А. Религиозная мифология.-Улан-Удэ, 1996.

Мэнэс Г. О семантике теонима Ульген // Исследования по исторической этнографии монгольских народов.-Улан-Удэ, 1986.

Мэнэс Г. К вопросу о способе определения стран света в традиционной систем ориентации монголов // Туухийн судлал.-Улаанбаатар, 1987.-С.48-52.

Подосинов А.В. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии.-М., 1999.-719с.

Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа.- Новосибирск, 1992.-175с.

Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в ранне-классический период.-М., 1976.-215с.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга.-М., 1997.-С.455-516.

Уланов А. Бурятский героический эпос.-Улан-Удэ, 1963.

Хамарханов А.З. Этнографические исследования Д.Г. Мессершмидта в Бурятии // Исследования по исторической этнографии монгольских народов.-Улан-Удэ, 1986.-36-56с.

Информаторы

Бандеева Долгоржап Сундуюевна, 1937, хонгодор. Тункинский район, с. Хурай-Хобок.

Дансорунов Радна Доржиевич, 1929 г., ашебагад. Кяхтинский район, с. Усть-Дунгуй.

Summary

This article is devoted to the systems of orientation of the nomads of Mongolian etlmoses.

The inferences are grounded on the folklore and linguistic data. Author writes about several types of orientation: anthropocentric, kiblistic, solar, astral and concrete-sensual. The anthropocentric type of orientation is grounded on the binary oppositions of front/back, left/right. Kiblistic orientation supplements the previous one by the orientation to the ways of world. Author writes also about the sacral preferred ways of orientation having the Turkian or Mongolian genesis. The system of kiblistic orientation seems itself as an expression of the perception of the closed space. Author also believes to the existence of the solar cult and the solar system of orientation expressed in the terms "front", "east", and "south". The astral orientation is the orientation by the stars in the night. The concrete-sensual orientation is the mode of orientation in the local mosaic landscape by the set of terms: "farther", "nearer", "between", "lower", "over", etc.